

СРЕДИ зачинателей советской литературы, ставших ее классиками, имени Фадеева и Шолохова стоят рядом.

Они начали печататься в один и тот же год — 1923-й. И оба в Москве. У Фадеева появился большой рассказ «Против течения», у Шолохова — два небольших фельетона-рассказа.

К концу 1928 года, когда появился «Тихий Дон» и к Шолохову пришла всенародная слава, Фадеев был уже известным писателем — коммунистом (в партии с 1918 г.), автором знаменитого «Разгрома», вышедшего в Ленинграде на год раньше первых книг «Тихого Дона» (а главы романа «Разгром» печатались в газетах и журналах еще в 1925—1926 годах).

Когда в 1927 году был издан фадеевский «Разгром», Шолохов сразу прочитал его. «Разгром» я прочитал на одном дыхании, за один присест», — вспоминал позже Михаил Александрович.

Когда появились две первые, а затем в 1932 году третья книга «Тихого Дона», Фадеев и Горький горячо поддержали Шолохова...

Позже, в 1949 году, говоря о начале творческой биографии первого поколения советских писателей, Фадеев скажет:

«Когда по окончании гражданской войны мы стали сходиться из разных концов нашей необъятной Родины — партийные, а еще больше беспартийные, молодые люди, — мы поразились тому, сколь общи наши биографии при разности индивидуальных судеб. Таков был путь более молодого и, может быть, более талантливого среди нас Шолохова... Люди более старших поколений, к которым мы примкнули, в большинстве своем вышли из той же социальной среды; они только начали свой путь раньше нас... Мы входили в литературу волна за волной, нас было много. Мы приносили свой личный опыт жизни, свою индивидуальность. Нас соединяло ощущение нового мира как своего и любовь к нему».

Когда вышел роман «Молодая гвардия», Шолохов сказал: «Пожалуй, как никто из нас — прозаиков, Фадеев обладает чудесной особенностью глубоко и взволнованно писать о молодежи, и в «Молодой гвардии» в полную меру раскрылась эта черта его большого таланта».

Так Шолохов определил одно из основных качеств творчества Фадеева — писателя. Ведь во всех его книгах главными героями являются молодые люди, выпавшие им с большой любовью.

Не случайно, видимо, неожиданная смерть Фадеева острой болью отозвалась прежде всего в сердцах советской молодежи. Помню, как утром 14 мая 1956 года среди студентов МГУ распространился слух о смерти писателя. Не верилось. Группа ребят поехала на улицу Воровского, в Союз писателей. Вернулись и рассказывают: видели Константина Симонова, он взволнован, сказал: «Это правда...».

На следующий день мы читали в «Правде»: «Замечательный писатель, человек широкой, отзывчивой души, А. А. Фадеев страстно любил жизнь, людей...».

Позднее, уже на Дону, не раз слушаю рассказы Михаила Александровича о встречах с Александром Александровичем, я услышал: — Фадеев очень любил людей, он всегда тянулся к ним. Это была богатая и нежнейшая человеческая душа.

...Известно, что Фадеев в 1924—1926 годах находился на партийной работе в Краснодаре и Ростове-на-Дону.

Фадеев приехал в Ростов из Краснодара, куда попал из Москвы в марте 1924 года по совету Р. С. Землячки, мобилизованный на партийную работу. Здесь с апреля по июль он работает инструктором Кубано-Черноморского обкома партии, а потом избирается секретарем райкома партии города Краснодара (это была Дубинка — заводской район).

Старые рабочие завода имени Седина (тогда «Кубаноль»), бывшие партийно-комсомольские работники и Краснодара тепло вспоминают о Фадееве, о его деловых и человеческих качествах. Он находил время и для литературной работы. Именно здесь Фадеев начал регулярно вести записные книжки (1924—1950 гг.), приступил к работе над задуманным раньше большим произведением о гражданской войне, написал несколько глав будущего «Разгрома».

Дальнейшая работа над романом продолжалась в Ростове, А. И. Микоян уже в 70-х годах вспоминал на страницах «Литературной газеты»:

«Моя первая встреча с Александром Фадеевым состоялась в Ростове-на-Дону осенью 1924 года. Я был тогда секретарем Северо-Кавказ-

ский раз я вспоминал того молодого Булыгу — Фадеева, и мне становилось тепло и радостно на душе...».

Письмо, о котором вспоминает А. И. Микоян, Фадеев написал Р. С. Землячке из Краснодара 26 сентября 1924 года, а с первых чисел октября он уже в Ростове, ему хочется писать. «Я обещал Александру Александровичу всяческую поддержку», — продолжает Микоян. — Вначале он работал у нас инструктором крайкома, редактором отдела партийной жизни краевой газеты «Советский Юг». Затем мы назначили Булыгу заместителем заведующего отделом печати крайкома».

Микоян вспоминает, с какой настойчивостью Фадеев убеждал членов бюро крайкома в необходимости организации литературного жур-

дан, так сказать, «по советскости» с большой партийной работой, которую вел тогда Булыга в нашем крае, может только служить отличным примером для многих современных молодых литераторов: ведь некоторые из них, на мой взгляд, слишком рано и зачастую без достаточного жизненного опыта начинают «специализироваться» как литераторы. От этого, как правило, страдают и они сами, и литература...».

Надо сказать, что в Ростове Фадеев работал сразу над тремя произведениями: романом «Провинция», повестью «Смерть Ченьюаня» (един из вариантов «Последнего из удэге», или, вернее, «Последнего из тазов», как тогда назывался этот роман, отрывок из которого «Ханхузы» был опубликован в 1926 году в ростовской комсомольской газете «Большевикская смена»). Но главная работа шла над «Разгромом».

10 января 1925 года Фадеев впервые публично прочитал молодым ростовским литераторам отрывок из «Разгрома». Через полгода, 19 июля, в краевой газете «Советский Юг» появился первый отрывок из «Разгрома» под названием «Морозка».

В ростовском журнале «Лав» были напечатаны отрывки из «Разгрома»: в № 4, 1925 г. — «Начало», в № 2, 1926 г. — «Груз». Этим было положено начало публикации глав романа в журналах «Лав», «Октябрь», «Молодая гвардия».

В конце сентября 1926 года Фадеев уезжает из Ростова в Москву. 25 октября ЦК партии направляет его «для постоянной работы» во Всесоюзную ассоциацию пролетарских писателей (ВАПП).

Из Ростова в Москву он уехал зрелым писателем, автором «Разгрома», ставшего классическим произведением советской литературы.

...Передо мной два «ростовских» фотоснимка, на которых запечатлен Фадеев: 1926 г. А. Фадеев среди рабселькоров газеты «Советский Юг», 1943 г. А. Фадеев среди ростовских писателей и журналистов газеты «Молот».

Да, осенью 1943 года Фадеев еще раз приехал в родной для него город. Он ходил по разрушенным войной улицам, побывал в семье ушедших из жизни ростовских литераторов А. Бусыгина и Н. Янчевского, астрелялся с писателями и журналистами.

В Ростове он оказался проездом из Москвы в Краснодар, куда ехал собирать материал для будущего романа «Молодая гвардия». Донские журналисты помогли писателю транспортом, чтобы добраться до небольшого шахтерского городка на границе Ростовской и Ворошиловградской областей.

Об этой незабываемой встрече с Фадеевым мне рассказывали В. Закруткин, Я. Кривенко и особенно подробно И. Юдович. Встреча с ростовчанином писатель был рад, много шутил, звонко, «по-фадеевски», смеялся, но в глазах стояла грусть. Шла война...

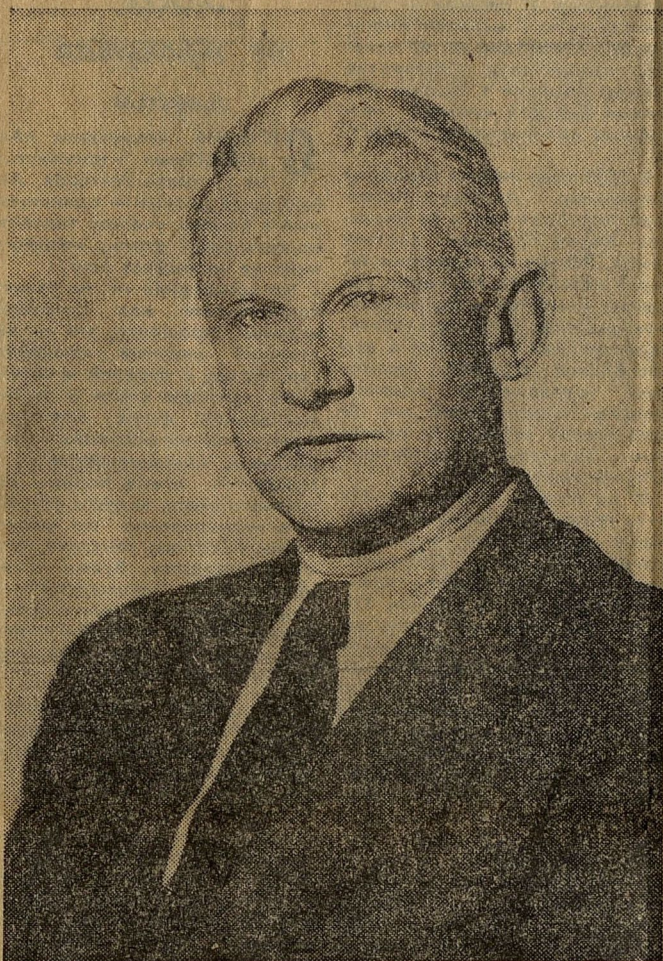
...Вот так вспоминаются людьми эпизоды, факты, имеющие отношение к А. А. Фадееву, к тому времени, когда он жил или был проездом на юге России (Краснодар, Ростов, Краснодар), вспоминаются его глаза, голос, улыбка, его книги, письма, беседы. А старый ростовский писатель и друг Александра Александровича П. Х. Максимов до последних дней (а умер он 11 лет спустя после Фадеева) любил повторять:

— Когда я в 1927 году прочитал «Разгром», мне зашла в память последняя строка о Левинсоне после разгрома его отряда: «...и перестал плакать; нужно было жить и исполнять свои обязанности». С тех пор, когда мне бывает трудно, я вспоминаю фадеевскую фразу и говорю себе: «Не надо падать духом. Нужно держать себя в руках и исполнять свои обязанности».

Вл. КОТОВСКОЕ

СЕГОДНЯ — 80 ЛЕТ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. А. ФАДЕЕВА

ОН ЛЮБИЛ ЖИЗНЬ

ского крайкома партии (до этого — Юго-Восточного бюро ЦК РКП)... Я и раньше слышал о Фадееве как о способном партийном работнике от Розалии Самойловны Землячки. В то время Землячка была у нас заведующей орготделом. Однажды она зашла ко мне с письмом Фадеева, в котором он сообщал, что его очень «потянуло» к литературе, и просил помочь ему перейти на журналистскую работу. Посоветовавшись, мы решили вызвать Фадеева в Ростов и оставить его у нас в крайкоме «для работы в области литературы» (так это и было записано в решении бюро крайкома). Вот тогда-то мы с ним и встретились.

...Передо мной стоял молодой человек довольно высокого роста, стройный, подтянутый, одетый в модную у нас тогда кавказскую рубашку темно-синего цвета с множеством пуговиц, подпоясанную узким — тоже кавказским — ремешком, в галфе и сапогах.

Мне навсегда запомнились фадеевские глаза — голубые, яркие, прямо и открыто глядящие на собеседника, с огненным юношеским восторженностью — и какая-то необыкновенная, я бы сказал, «фадеевская» улыбка. Это был парень с открытой душой. На меня он произвел неотразимо приятное впечатление...

Это самое первое впечатление о Булыге осталось у меня на всю жизнь. Позднее, когда я с ним встречался (а встречи у нас были довольно частыми в Ростове, несколько реже — в Москве), вс-

нала. «И ведь убедил, добился своего! Так в Ростове в 1925 году был создан журнал «Лав». Одним из редакторов его вместе с В. Киришом и В. Ставским стал А. Фадеев.

Однако, как вспоминает Микоян, работа над романом продвигалась у Фадеева медленно.

«И я предложил Александру Александровичу взять на 2—3 месяца отпуск и целиком заняться книгой. Сказал, что он может поселиться у меня на даче, под Ростовом, тем более, что этим летом она свободна. Он согласился. Но за этот срок не успел закончить задуманного; совесть его не позволяла не вовремя вернуться к исполнению возложенных на него партийных обязанностей. Пришлось снова писать по мере возможности. В 1926 году мы вновь предложили ему уйти в творческий отпуск. На этот раз устроили его под Нальчиком, на хуторе Долинском — в одном из красивейших уголков Северного Кавказа. Периодически он приезжал в Ростов, чтобы прочитать нам написанные страницы «Разгрома» и посоветоваться. Мы с большим интересом следили за рождением этой книги и искренне радовались за нашего молодого писателя, видя, как он упорно работает и какие высокие требования предъявляет к себе.

Мне и сейчас радостно сознавать, что «Разгром» был написан именно на Северном Кавказе. А то, что он был соз-